

Камчатские врачи по неосторожности убили очередного ребенка

Трагедия произошла в Елизове в мае 2015 года. Светлана и Андрей похоронили свою семимесячную Машеньку. Ее двое братиков теперь наотрез отказываются ходить к местным докторам.

Родители Маши – обычные люди, у которых нет могущественных родственников, крутых автомобилей и денег на взятки. Это была их долгожданная доченька.

Светлана рассказывает: «В тот день, 24 ноября 2014 года, Маша вела себя обычно, играла, кушала, спала нормально. После дневного сна, приблизительно в 18 часов, я покормила дочь, после чего ее вырвало несколько раз, девочка стала вялой и сонливой, поэтому мы обратились в елизовскую «Скорую помощь».

По вызову прибыла бригада в составе двух фельдшеров: В. Мартыновой и О. Долматовой. Фельдшер Мартынова, осмотрев дочку, поставила диагноз «острый гастроэнтерит средней степени тяжести», она же сделала инъекцию церукала (противорвотное средство), других манипуляций не проводилось. Фельдшер Долматова О. В. вела какие-то записи в медицинской документации. После чего мне было предложено отвезти дочь в инфекционное отделение Елизовской районной больницы.

Врачом-педиатром Е. Приходько был установлен диагноз: острый гастрит неясной этиологии средней тяжести. Лечение было согласовано с заведующей инфекционным отделением В. Широковой.

Медицинский персонал приступил к «лечению» согласно выставленному диагнозу».

Светлана продолжает: «Врача Приходько я видела один раз, когда проходила по коридору отделения. О состоянии здоровья дочери она со мной не разговаривала. Где и у кого она собирала анамнез ребенка, неизвестно. В приемном отделении нас

принимали, осматривали медицинские сестры, задавали вопросы, затем, с их слов, Машу вроде бы осматривала Приходько. Дочери вновь по назначению врача ввели церукал (доза 0,1 мл), поставили капельницу. Меня в это время отправили в палату с просьбой не мешать медсестрам.

Спустя некоторое время медсестра позвала меня в процедурный кабинет. Было около 22 часов 30 минут, когда я обратила внимание, что дочери стало намного хуже. Она запрокинула головку назад и смотрела в одну точку. Я попросила медсестру позвать врача, на что та пояснила, что все хорошо, ребенок просто смотрит на лампочку. Не удовлетворившись таким ответом, я потребовала срочно позвать врача. Медсестра без слов удалилась. Вернувшись в процедурный кабинет минут через 10-15, она сообщила, что нас с Машенькой переводят в отделение реанимации, врач при этом не появилась.

Меня поразило, что ни врач В. Широкова, ни врач-невролог А. Гакалова Машу не осматривали, записи в медкарту были внесены без фактического осмотра ребенка в моем присутствии.

В реанимационном отделении ребенком также занимались медицинские сестры.

К утру 26 ноября у Маши сильно повысилась температура, о чем я сразу сообщила медсестре. В 11 часов началась рвота коричневого цвета, на мой вопрос: «Что это?», медработник, не подходя к ребенку, ответила: «Остаточное явление». Как оказалось позже, это было желудочное кровотечение.

Около 12 часов Машу осмотрела невролог детской краевой больницы О. Фреликова (единственный врач, сообщившая свое имя, фамилию, должность). Она лично опросила меня о состоянии ребенка, изучила снимки КТ головного мозга (которые в дальнейшем исчезли из медкарты ЕРБ), сделав запись в медкарте ЕРБ, объяснила, что медработники будут делать дальше и как, после чего нас с Машей на машине «скорой помощи» перевезли в реанимационное отделение краевой детской больницы с диагнозом: «субарахноидальное кровоизлияние».

К вечеру этого же дня Маша впала в кому 3-й степени.

По результатам проведенного 28.11.2014 консилиума врачей ГБУЗ ККДБ исключено субарахноидальное кровоизлияние, инфекционный менингоэнцефалит. Выставлен окончательный диагноз: «Недифференцированная метаболическая

гепатопатия (синдром Рейе?). Острая печеночная недостаточность, молниеносная форма. Отек головного мозга. Острая церебральная недостаточность. Кома 3. Нельзя исключить врожденные болезни обмена».

На протяжении 178 суток сотрудники ГБУЗ ККДБ оказывали Маше какую-то медицинскую помощь, однако 23 мая 2015 года в 14 часов наша Машенька умерла. Мы были уверены, что смерть нашей дочери наступила по вине врачей, и поэтому написали заявление в прокуратуру».

В рамках уголовного дела проведена комиссия судебно-медицинская экспертиза в Бюро судебно-медицинской экспертизы Ханты-Мансийского автономного округа Югры.

Из Заключения № 139/2015 следует, что «имели место быть ряд недостатков в оказании медицинской помощи Черных М. А. при лечении, но они не оказали существенного влияния на неблагоприятный исход, так как наступлению смерти способствовал в первую очередь злокачественный характер течения синдрома Рейе с нарастающим отеком головного мозга и прогрессированием инфекционно-токсических осложнений в виде пневмонии и гепатита».

Экспертный совет Министерства здравоохранения Камчатского края также настаивал, что «медицинская помощь ребенку оказана с незначительными огрехами, которые

никак не повлияли на заболевание, так как синдром Рейе и Рейе-подобный синдром – это крайне тяжелое заболевание неизвестной этиологии, с четкой стадийностью течения. Тяжесть состояния, стремительность нарастания симптомов внутричерепной гипертензии, а также частота летальных исходов особенно высоки у детей грудного возраста даже при правильно проводимом лечении. Течение синдрома Рейе невозможно остановить. Механизм, возможно, был запущен дома, а на этапе ГБУЗ

«Елизовская районная больница» и на этапе ГБУЗ «Камчатская краевая детская больница» остановить этот процесс не представлялось возможным. Перечисленные выше негативные факторы синдромального ведения больной не имели достоверного влияния на сроки летального исхода».

Впрочем, наши эксперты традиционно не были особо суровы в своих оценках, полагая, что случай, по которому к ним обратился суд, произошел в районной больнице, а там «диагностические возможности... не позволили клиницистам выставить правильный диагноз»...

Однако, не согласившись с выводами вышеуказанных экспертов, специалистов, членов экспертной комиссии, родители Маши в рамках уголовного дела заявили ходатайство о проведении дополнительной комиссионной экспертизы, которая и была назначена следователем. Проведение экспертизы было поручено ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения РФ».

Чтобы неискушенному читателю не запутаться в дебрях медицинских терминов из экспертных заключений, поясним, что же произошло с маленькой пациенткой на всех этапах лечения.

Эксперты считают, что причиной резкого ухудшения состояния здоровья Маши Черных явились лекарственные препараты (помимо церукала), примененные в инфекционном отделении Елизовской районной больницы, а затем в елизовском отделении реанимации, побочные действия которых и последствия их применения проявились позже.

Часть лекарственных препаратов не входит в Стандарты оказания медицинской помощи по выставленным предварительным диагнозам.

Часть лекарственных препаратов имела противопоказания к применению, в том числе ограничение по возрасту (дексаметазон, раствор калия хлорида, рибоксин).

Согласно инструкции у детей в период роста дексаметазон должен применяться только по абсолютным показаниям и под особо тщательным наблюдением лечащего врача.

А «тщательное» наблюдение, по словам мамы, осуществляла медсестра или санитарка за 60 лет, которой потребовалось более 20 минут, чтобы среагировать на ухудшение состояния ребенка и требование позвать врача.

К примеру: суточная дозировка дексаметазона ребенку с массой тела 7,8 кг, согласно инструкции, от 0,22 до 1,3 мг. По факту в инфекционном отделении было применено 2 мг разово в виде инъекции. В отделении реанимации через 5 часов было введено еще 4 мг. И это только по одному препарату. То же самое с остальными.

Более того, «инфузионные растворы и лекарственные препараты применялись бесконтрольно, необоснованно и неадекватно», что, по мнению экспертов, «явилось причиной резкого ухудшения, а в дальнейшем крайне тяжелого состояния девочки, наступившего в Елизовской районной больнице».

Все эксперты обращают внимание, что врачи детской краевой больницы не увидели никаких признаков побочного действия церукала. По мнению родителей Маши, врачи детской краевой больницы все же предполагали, что причиной ухудшения состояния ребенка в 22.30 явилось проведенное «лечение» в инфекционном отделении Елизова, однако что с этим делать и как в короткий промежуток времени исправить ситуацию – не знали, поэтому избрали тактику подбора диагнозов, подходящих по симптоматике (травма головы, менингит, субарахноидальное кровоизлияние) и назначили «универсальное лечение», а также провели диагностические исследования, которые носили формальный характер и были направлены не на результат, а на объем обследований. Получение результатов исследований и корректировка лечения по результатам лабораторных данных, по мнению Светланы и Андрея, никого не интересовали, и, так как время было позднее, все разошлись до утра.

В краевой детской больнице, принимая из елизовской районной переводом ребенка, находящегося в крайне тяжелом состоянии, не могли не заметить следы от уколов, однако, делая запись «медикаментозно загружена», не попытались выяснить, когда и какие лекарственные препараты вводили ребенку.

В медкарте Маши ГБУЗ ККДБ отсутствует какая-либо информация о проведенном в ЕРБ лечении, в т.ч. о применении противопоказанных лекарственных препаратов.

Также эта информация отсутствует во всех этапных эпикризах.

Светлана говорит: «Не были проведены в краевой детской больнице дополнительные исследования: аммиак в сыворотке крови и биопсия печени. Представьте: если бы эти исследования были сделаны и диагноз – синдром Рейе не подтвердился, как и многие другие выставленные врачами диагнозы, какое бы еще малоизученное редкое заболевание по симптоматике им пришлось бы подбирать?»

Опуская большой блок медицинских пояснений, можно сказать, что московская экспертная комиссия пришла к выводу, что «достоверных данных о наличии у Черных М. А. синдрома Рейе не имеется. Соответственно, связать наступление смерти с синдромом Рейе у экспертной комиссии нет оснований».

Светлана рассказывает: «Конечно, оценить тяжесть состояния Маши и обоснованность диагноза, выставленного фельдшерами «скорой помощи» в тот злополучный день, мы не могли, тем не менее, повода для госпитализации, а тем более для инъекции церукала мы не видели. Однако фельдшер настояла на том, чтобы сделать этот проклятый укол, «чтобы рвота больше не повторялась», также на госпитализации, так как в данной ситуации, по ее мнению, ребенку было необходимо «наблюдение врачей». Получается, если бы не было госпитализации, «лечения» в ЕРБ, наша девочка сегодня была бы жива».

Давая оценку оказания медицинской помощи девочке, комиссия экспертов пришла к выводам, что на всех этапах имели место существенные недостатки, а именно:

– на момент проведения осмотра фельдшером елизовской «скорой помощи» отсутствовали основания для выставления ребенку диагноза: «острый гастроэнтерит средней степени тяжести» и введения внутримышечно лекарственного препарата церукал. Лечение Черных М. А. сотрудниками елизовской «скорой помощи» проводилось неправильно, что является недостатком оказания медицинской помощи.

– при выставленном врачом-педиатром Приходько Е. Д. диагнозе ребенок был недообследован, повторно введен церукал, противопоказанный детям до 2-х лет

(Машеньке было 7 месяцев. – **Ред.**);

– несвоевременный перевод в отделение реанимации при ухудшении состояния ребенка (через 1 час 40 минут);

– неадекватная инфузионная терапия: при нарастании церебральной недостаточности внутривенно вводится раствор Рингера, что не рекомендовано при церебральных нарушениях.

На этапе оказания медицинской помощи сотрудниками краевой детской больницы:

– неадекватная инфузионная терапия: неоправданное назначение 20 % глюкозы вместо необходимого 5 % раствора; гипоосмолярные растворы назначались эпизодически, а не системно;

– в 1-е сутки отсутствие системного мониторинга уровня глюкозы в крови;

– недообследование: не проведено вирусологическое исследование, не исследовался аммиак в сыворотке крови;

– хаотичность назначений и смена антибиотиков (абакал, запрещенный для использования до 18 лет, так как отрицательно влияет на развитие костной ткани, амикацин, обладающий нефротоксичностью).

Экспертная комиссия отметила, что с 22 часов 30 минут (25.11.2014) состояние ребенка соответствует побочным эффектам церукала – заторможенность, сонливость, дискинетический синдром, мышечный гипертонус, опистотонус, изменение показателей крови. Перечисленная симптоматика косвенно указывала на развитие отека головного мозга.

Экспертная комиссия отметила, что рвота и сонливость не являются патогномичными признаками синдрома Рейе. Данные симптомы, особенно у детей первого года жизни, присутствуют практически при всех инфекционных заболеваниях, при повышении температуры, аллергических реакциях, погрешностях в питании и т. д. Остальные симптомы присоединились после двукратного введения противопоказанного для детей лекарственного препарата церукал и также не могут расцениваться как признаки симптома Рейе. Каких-либо патогномичных признаков, таких как увеличение печени, гипераммониемия у девочки не обнаружено. При проведении судебно-гистологического исследования указанный диагноз также не нашел своего подтверждения».

Остается открытым вопрос, насколько местная экспертиза, созданная под эгидой местного медицинского сообщества, может быть действительно независимой?

Андрей, отец Маши, рассказывает: «С момента поступления Машеньки в елизовскую больницу и до момента ее смерти мы пытались спасти свою дочь. Обращались в различные инстанции, прикладывая максимум усилий для того, чтобы вывести Машу за пределы Камчатского края с надеждой спасти, вылечить. Врачи и чиновники Камчатского края препятствовали различными способами, вплоть до того, что предоставляли в вышестоящие организации, а также медицинские учреждения, находящиеся за пределами Камчатского края, недостоверную информацию о состоянии ребенка. При проведении телеконсультаций с медицинскими учреждениями, находящимися за пределами Камчатского края, была скрыта информация о резком ухудшении состояния ее здоровья, также не было информации о применении противопоказанного лекарственного препарата церукал, двойной дозы в течение двух часов. При проведении телеконсультаций предоставлялись только выписные эпикризы детской краевой больницы, в которых отсутствовали сведения о проведенном в елизовской районной больнице «лечении». Скрыта информация о том, что симптомы, косвенно указывающие на развитие отека головного мозга, возникли в елизовской больнице, не предоставлена информация о том, что при подозрении на отек головного мозга, нарушении свертываемости крови проведена люмбальная пункция, врачом, не являющимся детским реаниматологом.

Мы настаиваем, что после допущенных ошибок, когда в организме ребенка произошли необратимые последствия, синдром Рейе для врачей, а также чиновников Министерства здравоохранения Камчатского края явился своеобразным «спасательным кругом», так как синдром Рейе не имеет специфических симптомов, легко может быть «перепутан» с иным заболеванием, является довольно редким и опасным заболеванием. Понимали ли врачи детской больницы на самом деле, что произошло с ребенком, выясняли ли причину резкого ухудшения состояния здоровья, связывали ли это с побочными эффектами церукала, нам неизвестно».

В суде представители нашей славной камчатской медицины доказывали: смерть ребенка была непредотвратимой. Так, к слову, написано и в «Протоколе заседания Экспертного Совета Министерства здравоохранения Камчатского края». 16 врачей во главе с заместителем министра, председателем Экспертного Совета госпожой Волковой пришли к единому мнению: «...не исключается возможность получения ребенком черепно-мозговой травмы дома, о чем свидетельствует постепенное нарастание симптоматики». «Лучшие медики» Камчатского края провели настоящую мозговую атаку и пришли к выводу, что «поступление ребенка в ЕРБ в состоянии средней тяжести за счет развивающегося отека головного мозга связано с поздним обращением за медицинской помощью. Члены Экспертного Совета считают данный случай трудно предотвратимым».

В общем, смерть Маши Черных, по мнению местных медицинских светил, была непредотвратима.

Однако независимая экспертиза говорит: предотвратима, оказывается, была смерть, если бы работали профессионалы.

Между тем суд завершился решением в пользу родителей Маши: «...исковые требования истцов удовлетворить». Суд постановил взыскать с ГБУЗ КК «Елизовская станция скорой медицинской помощи» компенсацию морального вреда в размере

1 500 000 рублей, с ГБУЗ КК «Елизовская районная больница» в размере 2 000 000 рублей, с ГБУЗ КК «Детская больница» 1 000 000 рублей, расходы на погребение 22 548 рублей

Но и тут, наплевав на приговор и на резонанс в обществе, больничные юристы изловчились и подали в суд апелляцию, где указали, что, «несмотря на наличие дефектов при оказании медицинской помощи, взыскание компенсации морального вреда чрезмерно завышено, поскольку причинно-следственная связь между действиями врачей и смертью ребенка не установлена».

Целая армия представителей: М. Юнанова, Е. Червякова, М. Жарких, В. Мартынова, В. Широкова, С. Фалов, С. Мындреску, Д. Долженко – доказывали, что они сделали все от них зависящее. Не получилось. Судебная коллегия по гражданским делам Камчатского краевого суда 22 мая 2019 года оставила решение Елизовского районного суда без изменения, апелляционные жалобы без удовлетворения.

«Получается, наши врачи почти ничего не делали. Из-за незнания, или из-за нежелания, или еще по какой-то причине, но они не отправляли Машу к более опытным специалистам и дотянули до того, что состояние нашей дочери стало критичным. Ту боль, которую пришлось мне перенести, не пожелаешь даже злейшему врагу. Я не хочу, чтобы кто-то еще раз пережил такое. Почему никто не ставит вопрос о квалификации этих медработников? Ведь лечащие врачи Долженко и Мындреску так и не смогли внятно объяснить, от какого заболевания они лечили нашу дочь на протяжении долгого времени, и что помешало их профессиональной деятельности. Эти врачи и сегодня продолжают работать, а имеют ли они на это право?» – спрашивает мама Маши.

Что происходит в камчатской медицине? Вот уже более 10 лет «Вести» регулярно возвращаются к медицинской теме. А ситуация, по нашему мнению, вопреки благополучным отчетам «наверх» продолжает ухудшаться. Что с вами стало, с теми, кто должен стоять на страже нашего здоровья?

Если вы настолько очерствели, «выгорели», что не осталось ни капли сочувствия и сострадания к вашим пациентам, в том числе и самым беззащитным, если вас совсем не волнуют страдания людей, обратившихся к вам за помощью, эта профессия не для вас! Ну, не знаю, идите торговать помидорами!

И уж слишком явной становится круговая порука в местном так называемом экспертном сообществе. Господа эксперты, складывается впечатление, что вы боитесь. Боитесь, если скажете или напишете правду в своих заключениях и не «защитите своих», то в аналогичной ситуации «не защитят вас»? Сколько же может длиться это

укрывательство ставшей уже преступной халатности и непрофессионализма?

Мы только и слышим: врачи не защищены! Напали на медиков «скорой помощи»!

А пациенты защищены?! В ваших руках здоровье и жизнь наших детей, к которым вы не удосуживаетесь даже подойти в связи со своей, наверно, чрезмерной занятостью?

Результаты зачастую печальны. И очень даже понятны чувства людей, отчаявшихся от потери близкого, которые готовы творить расправу.

Вы заявляете, что нельзя, чтобы врачу угрожало тюремное заключение за его врачебные ошибки, иначе он просто откажется проводить какие-то манипуляции.

А что с вами делать, такими бессердечными, безразличными и бессовестными?!

Ведь на суде вам не стыдно заявлять, что родители погибшего по вашей вине ребенка запросили необоснованно большую сумму моральной компенсации.

А в какую сумму вы оценили бы убийство вашего сына или дочери?

По результатам независимой экспертизы погиб практически здоровый ребенок. И что? Посидели кружком местные эксперты, почесали в затылках, договорились, что маленькая пациентка была «неперспективной», встали, отряхнулись и пошли врачевать дальше...

Доколе?

Татьяна СТЕПАНОВА